http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-26-41

КИТАЙ И РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Яна Валерьевна Лексютина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

30 ноября 2017

Принята к печати:

1 марта 2018

Об авторе:
д.полит.н., доцент,
заместитель заведующего кафедрой, кафедра американских исследований

e-mail: lexyana@ya.ru

Ключевые слова:
Китай; международная экономическая система; глобальное экономическое управление; Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ); многосторонние банки развития; инициатива «Пояс и путь»; G20; мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг.; Новый банк развития; БРИКС

Аннотация: Мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. властно поставил перед мировым сообществом задачу реформирования международной экономической системы и привлечения к глобальному экономическому управлению динамично развивающихся стран с формирующимися рынками. Одну из ключевых ролей в процессах реформирования международной экономической системы и глобального экономического управления приобретает Китай как держава не только нарастившая свою экономическую мощь до уровня второй мировой экономики, крупнейшей торговой державы и держателя золотовалютных резервов, но и демонстрирующая готовность взять на себя соответствующую международную ответственность и начать задавать вектор мирового экономического развития. Содействуя совершенствованию существующих правил, норм и системообразующих институтов, Пекин одновременно предлагает миру новые, китаецентричные инициативы, наиболее известными из которых, но отнюдь не единственными, являются создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и инициатива «Пояс и путь». В статье характеризуется участие Китая в реформировании международной экономической системы после азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. по настоящее время: выделяются основные формы участия Китая, мотивация и направления приложения его усилий. Прослеживая выдвигаемые, поддерживаемые и реализуемые Китаем инициативы и меры, предполагающие изменения в международной экономической системе, а также анализируя официальную риторику и внешнеполитическую деятельность китайского руководства, в статье делается вывод о взятом Пекином курсе на занятие одной из ключевых ролей в глобальном экономическом управлении и постепенное выстраивание китаецентричной системы международных правил, норм и институтов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016 а(ф).

Современная международная экономическая система и место Китая в ней

Инициировав в конце 1970-х гг. политику «реформ и открытости», китайское руководство взяло курс на инкорпорирование в международную экономическую систему и, соответственно, расширение взаимодействия с ключевыми международными финансовыми и торговыми институтами. Уже в апреле 1980 г. Китай восстанавливает свое членство во Всемирном банке и МВФ, в марте 1986 г. подключается к участию в крупном региональном многостороннем банке развития – Азиатском банке развития. Китай также присоединяется к целому ряду других многосторонних банков развития, но уже в роли инвестора: Африканскому банку развития (в 1985 г.), Карибскому банку развития (1997 г.), Банку торговли и развития Восточной и Южной Африки (2000 г.), Восточно-Африканскому банку развития (2004 г.), Межамериканскому банку развития (2008 г.) и, наконец, Европейскому банку реконструкции и развития (2016 г.). Китай принимает такие базовые характеристики международной экономической системы

как экономическая глобализация, свободная торговля и свободное перемещение капитала, с одной стороны, открывая свой внутренний рынок для внешних игроков (сохраняя определенные ограничения в отдельных сферах экономики, таких как, например, топливно-энергетической, инфраструктурной, банковской, сфере страхования и др.), а, с другой стороны, активно осуществляя выход на внешние рынки (сначала – товарные, а несколько позднее – рынки услуг и рынки капиталов). После 15-летнего подготовительного периода, в течение которого Пекин согласовывал условия своего вхождения в ВТО и проводил требующиеся в этой связи экономические преобразования, в декабре 2001 г. Китай становится полноправным членом ВТО, завершив полную интеграцию в международную систему.

Прочно инкорпорировавшись в международную систему, Китай становится одним из ее крупнейших бенефициаров. Встав на путь либерализации торговли и инвестиционной деятельности, Китай превратился в «мировую фабрику», одного из крупнейших получателей иностранных инвестиций, крупнейшего в мире экспортера и торговую державу. Так, создание свободных экономических зон в Китае и проведение политики по формированию благоприятного инвестиционного климата позволило Китаю привлечь масштабные иностранные инвестиции, а с ними и получить доступ к современным инновационным технологиям и заимствовать передовой управленческий опыт. В определенном смысле можно говорить о том, что экономический рост Китая стал возможен и благодаря открытости американской экономики для китайского экспорта. С конца 1980-х гг. США были крупнейшим экспортным рынком для Китая[1]. Участие Китая в многосторонних банках развития (Всемирном банке и Азиатском банке развития) не только открыло возможности для получения Китаем масштабной финансовой и консультативной помощи, но и позволило реализовать многочисленные инфраструктурные проекты и, что еще более важно, – создать собственную индустрию инфраструктурного планирования и строительства, заимствовав обширный опыт многосторонних банков развития в этой сфере.

Приняв принципы функционирования и правила существующей международной экономической системы, став частью этой системы, Китай смог существенно нарастить экономическую мощь. Поддерживая на протяжении почти четырех десятилетий стабильновысокие темпы экономического роста (в 1979-2015 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составляли 9,6%[2]), Китай увеличил ВВП в 73,6 раза со 150 млрд долларов до 11 трлн долларов, нарастив долю в мировом ВВП до 14,8% с изначальных 1,8%. С 1978 г. по 2015 г. по показателю размера ВВП Китай переместился с 10 на 2 место, впервые заняв в 2010 г. вторую позицию, потеснив Японию. В 2015 г. соотношение размеров экономик Китая и США – крупнейшей мировой экономики – составило 1 к 1,6, в то время как в 1978 г. ВВП США превышало ВВП Китая в 15,8 раз. По показателю ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, Китай стал крупнейшей мировой экономикой еще в 2014 г.

Также, за время реализации экономических преобразований Китай превратился в крупнейшего держателя золотовалютных резервов мире, увеличив их с 4,4 млрд долларов до 3 трлн долларов (на декабрь 2016 г.). Китай стал мировым лидером по объемам внешней торговли и экспорта. Внешнеторговый оборот Китая возрос в 192 раза с 20,6 млрд долларов в 1978 г.[3] до 3963 млрд долларов в 2015 г.[4] С 1978 г. по 2015 г. Китай нарастил свою долю в мировой торговле с 1 до 12%, переместившись с 32-го на первое место в рейтинге стран по размеру внешнеторгового оборота. Для ста с лишним государств мира Китай стал ведущим торговым партнером, экономическая зависимость от Китая ряда стран очень велика. Китай ныне

[1] Ong, R. China's Security Interests in the 21st Century. London: Routledge, 2007. P. 43.

[2] Здесь и далее (если не указано иное) макроэкономические показатели рассчитаны по World Bank open data. Mode of access: http://data.worldbank.org/

[3] White Paper "China's Foreign Trade", 2011. Mode of access: http://www.gov.cn/english/official/2011-12/07/content_2014019.htm

[4] UN Comtrade Database. Mode of access: http://comtrade.un.org/

занимает второе место по объему внешней торговли услугами, 2-ое место по объему привлекаемых инвестиций и по размеру внешних прямых инвестиций.

Сумевший достичь таких впечатляющих результатов в своем социально-экономическом развитии, с максимальной для себя выгодой использовавший предоставленные международной экономической системой возможности, но вместе с тем одновременно попавший в зависимость от этой системы, Китай стал чрезвычайно заинтересованным в сохранении базовых принципов этой системы, таких как свободная торговля, свободное движение капиталов, экономическая глобализация, открытость экономик и пр. Так, в официальных документах Китая нынешнего столетия систематически подчеркивается позитивная роль экономической глобализации, отстаивается необходимость большей открытости мировой экономики, либерализации торговли и инвестиций. С принципиальной позицией в защиту экономической глобализации и принципов свободной торговли высказался Си Цзиньпин в январе 2017 г. на Всемирном экономическом форуме.

Однако заинтересованность Пекина в сохранении существующей международной экономической системы и ее базовых принципов, в полной мере соответствующих китайским интересам, отнюдь не означает принятия Китаем всех характеристик этой системы. В самом общем виде созданная в 1940-х гг. и впоследствии дополненная рядом институтов, правил и норм, современная международная экономическая система основывается на трех основных столпах, делающих ее западноцентричной: доминирующей роли США и других Западных стран в создании и поддержании международных финансово-экономических правил; ключевом положении американского доллара в международной валютной системе; трех основных системообразующих институтах – МВФ (отвечающим за макроэкономическое наблюдение и поддержание финансовой стабильности), Всемирном Банке (многостороннем банке развития, призванном содействовать снижению бедности и стимулированию социально-экономического развития в развивающихся странах) и ВТО (ответственной за поддержание закона и права в международной торговле товарами и услугами). Особый статус западных стран в МВФ и Всемирном банке закреплен в системе распределении квот и прав голоса, в организационной структуре и практике назначения на ключевые посты в этих финансовых институтах. Особую роль западных стран в международной экономической системе поддерживают и другие крупные международные институты, такие как, например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) или крупнейшие региональные многосторонние банки развития, также контролирующиеся развитыми странами (Азиатский банк развития, Европейский инвестиционный банк, ЕБРР и пр.). С 1970-х гг. особую роль в международной экономической системе стал играть G7 – неформальный, но в силу огромного веса входящих в него стран влиятельный элитарный клуб западных держав, чьи решения стали задавать вектор развития мировой экономики. Таким образом, к 2010 г. – поворотному моменту, когда Китай стал второй мировой экономикой, – основные рычаги управления мировыми экономическими процессами принадлежали западным странам.

В 1940-е гг., когда формировались базовые контуры международной экономической системы, развивающиеся страны в силу своего низкого уровня социально-экономического развития, незначительного вклада в мировую экономику, не смогли принять значимого участия в формулировании основных принципов и правил создаваемой международной экономической системы. Поскольку за прошедшие несколько десятилетий система не подвергалась значительному пересмотру, осуществлялись лишь небольшие ее корректировки при сохранении базовых принципов и доминирующей роли Запада в ней, а ситуация к настоящему дню в мировой экономике и распределении экономической мощи между развитыми и развивающимися странами существенно изменилась, требования к ее пересмотру стали раздаваться со стороны развивающихся стран и Китая в особенности все сильнее.

Стремительное экономическое развитие динамично развивающихся стран с формирующимися рынками, включая подъем Китая, кардинально изменили соотношение сил в международной экономической системе и структуру мировой экономики, поставив перед мировым сообществом задачу реформирования существующей международной экономической системы и глобального экономического управления.

Процесс реформирования международной экономической системы и Китай

Вопрос необходимости реформирования международной экономической системы как учитывающей в первую очередь интересы западных стран, а также неспособной обеспечивать устойчивый экономический рост мировой экономики и справляться с возникающими кризисными явлениями в мировой и региональной экономиках был поставлен задолго до начала мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Ее низкая эффективность, необходимость совершенствования финансовых институтов, лежащих в ее основе, уже давно стояли на повестке дня. Еще на рубеже столетий Китай, продолжавший придерживаться сформулированного Дэн Сяопином курса на реализацию пассивной внешней политики (пассивность предполагала сфокусированность на национальном экономическом развитии и отказ от задачи занятия лидерской роли на мировой арене), между тем, движимый задачами стимулирования собственного социально-экономического развития и создания благоприятной региональной обстановки, принял участие в многосторонних инициативах, которые можно интерпретировать как отражавшие неудовлетворенность международной экономической системой.

Так, вопрос эффективности МВФ встал весьма остро во время азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. Предоставив финансовую помощь ряду стран – Индонезии, Южной Корее и Таиланду – МВФ, не учитывая местную специфику, обусловил ее выполнением соответствующими странами ряда шаблонных требований, таких как ужесточение фискальной политики, увеличение процентных ставок, закрытие слабых финансовых институтов, тем самым только усугубив экономическую рецессию в этих государствах[5]. Будучи разочарованными в деятельности МВФ, страны региона задумались о создании альтернативных региональных механизмов, способных обеспечивать финансовую стабильность и способствовать общему экономическому развитию. Отвергнув выдвинутую Японией в 1997 г. идею основания Азиатского валютного фонда (известную как план Миядзавы), Китай приветствовал создание в 2000 г. Чиангмайской инициативы как серии двусторонних своп-соглашений по взаимной поддержке национальных валют между 10 странами АСЕАН, Китаем, Южной Кореей и Японией.

В 2002 г. Китай также принял активное участие в Инициативе азиатского рынка облигаций (*Asia Bond Market Initiative*), направленной на развитие регионального рынка облигаций с целью лучшего использования региональных финансовых ресурсов и снижения зависимости от западных рынков облигаций и сопутствующих рисков обменных курсов[6]. Главным результатом Инициативы азиатского рынка облигаций стало создание странами АСЕАН+3 в 2010 г. Института кредитных гарантий и инвестиций (*The Credit Guarantee and Investment Facility*), призванного предоставлять гарантии по корпоративным облигациям компаниям стран Восточной Азии в целях поддержки их выпуска и повышения надежности[7].

---

[5] Huang Yiping, Dang Weihua, Wang Jiao. Reform of the International Economic system: What Does China Want? // Rising China: Global Challenges and Opportunities / Ed. by Jane Golley, Ligang Song. Canberra: ANU E Press, 2011. P. 37.

[6] Wang, Hongying. From "taoguang yanghui" to "yousuo zuowei": China's engagement in financial minilateralism // *CIGI papers*, 2014, No. 52. p. 1, 3.

[7] Трифонов И.И., Ягодкина В.М. Региональные инициативы стран Восточной Азии по развитию валютно-кредитных отношений // Известия УрГЭУ. – 2014. – № 4 (54). – С. 24. [Trifonov, I.I.; Iagodkina, V.M. Regional'nye initsiativy stran Vostochnoi Azii po razvitiiu valiutno-kreditnykh otnoshenii (Regional Initiatives of East Asian Countries on Development of Monetary Relations) // Izvestiia UrGEU, 2014, No. 4 (54), p. 24.]

Пекин сыграл важную роль в расширении Чиангмайской инициативы – создании на ее основе в 2010 г. Чиангмайской многосторонней инициативы как системы не двусторонних, а уже многосторонних валютных свопов между странами группы АСЕАН+3 общим объемом 120 млрд долларов (к концу 2012 г. объем фонда был расширен до 240 млрд долларов), призванной оказывать поддержку странам, сталкивающимся с кризисом ликвидности. Изначально выдвинутая на фоне недовольства деятельностью МВФ, Чиангмайская многосторонняя инициатива[8], однако, не стала альтернативой МВФ. Она функционирует в жесткой связке с МВФ: доля свопа, которую разрешается использовать вне рамок МВФ, составляет только 30%, а превышение данного порога заимствований требует обращение к МВФ.

В целом, в осознании Китаем своей изменившейся роли в международных экономических делах можно выделить два важных рубежа, каждый из которых поставил под сомнение эффективность существующей международной экономической системы и проявил новые возможности Китая в его взаимодействии с окружающим миром, – это азиатский финансово-экономический кризис 1997-1998 гг. и мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. Приняв принципиально важное решение не допустить девальвации юаня и оказав существенную помощь ряду азиатских стран в преодолении последствий кризиса 1997-1998 гг., Пекин не только встал на путь укрепления своего авторитета в регионе, но и осознал, что может играть более активную роль в мировом сообществе и мировых экономических процессах. Уже тогда представления о том, что Китай является ответственной мировой державой, постепенно начинают распространяться в китайском политическом дискурсе[9].

Важно отметить и то, что азиатский кризис подтолкнул и западные страны к осознанию возросшей роли развивающихся стран в мировой экономике, включая Китай, и привел к появлению нового многостороннего формата взаимодействия развитых стран с развивающимися с целью поисков совместных ответов на вызовы глобальной экономической и финансовой стабильности – G20 на министерском уровне.

Вместе с тем, ощутимые сдвиги в подходах развитых стран к роли развивающихся экономик стали происходить только с наступлением мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Во-первых, мировой финансово-экономический кризис проявил возросший вклад динамично развивающихся экономик с формирующимися рынками и в особенности Китая в мировую экономику и мировое экономическое развитие на фоне существенно сокращения вклада развитых стран. Так, например, если в 1978 г. ВВП США – крупнейшей мировой экономики – превышал ВВП Китая в 15,8 раз, то в 2010 г. соотношение размеров экономик двух стран составило 1 к 2,5 соответственно. В 2010 г. доля Китая в мировом ВВП достигла 9,2% в противовес доли США в размере 22,8%, тогда как в 1978 г. на Китай приходилось только лишь 1,8% мирового ВВП, а США – целых 27,9%. При этом увеличение доли Китая и других развивающихся стран происходило за счет сокращения доли развитых западных экономик: в период с 1978-2010 гг. сильнейшее сокращение доли пришлось на США (на 5,1 процентных пункта), Германию (3,5 п.п.), Японию (3,4 п.п.), и Францию (2 п.п.). В кризисные годы Китай оставался главной движущей силой роста мировой экономики. Тогда, как, например, в 2009 г. в США и странах Запада наблюдалась экономическая рецессия, темпы роста китайской экономики снизились незначительно и составляли 9,4%. В 2010-2015 гг. среднегодовой вклад Китая в рост мировой экономики составлял 30,5%. По

[8] Страны-участницы Чиангмайской многосторонней инициативы не стали новаторами в создании дополняющей деятельность МВФ системы финансовой поддержки. В 1976 г. странами Латинской Америки был учрежден Андский резервный фонд, переименованный позднее в Латиноамериканский резервный фонд. В 1976 г. был основан Арабский валютный фонд в составе 22 государств и капиталом 2,7 млрд долл.

[9] He, A. China in the G20 Summitry: Review and Decision-Making Process // *CIGI papers*, 2014, No. 46, p.1.

этому показателю Китай занимал и продолжает занимать 1-ое место в мире.

Во-вторых, мировой финансово-экономический кризис рельефно проявил несовершенство моделей макроэкономического управления развитых стран и глобального экономического управления в целом и поставил перед мировым сообществом задачу привлечения к процессу управления мировой экономикой динамично развивающихся стран, и в первую очередь, Китай.

В этой связи созданному ранее диалоговому форуму G20, объединившему 9 развитых и 11 развивающихся стран, придается новый формат – из встреч министров соответствующих экономик он превращается в механизм регулярных саммитов лидеров ведущих экономик мира. Представляющий порядка двух третей мирового населения, 85% мирового ВВП и 80% мировой торговли, он, несколько девальвировав статус G7/G8, превращается в основную площадку для обсуждения и выработки мер по преодолению мирового финансово-экономического кризиса и выхода из экономической рецессии.

Становление саммитов G20 как регулярного механизма обсуждения проблем мировой экономики и выработки мер макроэкономического регулирования было расценено в Пекине как важное позитивное изменение в глобальном экономическом управлении. Для Пекина как крупнейшей развивающейся страны такой форум, как G20, объединяющий развитые и развивающиеся страны, стал оптимальной платформой для подключения к активному участию в глобальном экономическом управлении. Вхождение Китая в G7/G8, например, потенциально создавало ряд серьезных сложностей и вызовов Пекину. Во-первых, вхождение Китая в клуб развитых держав противоречило бы статусу Китая как развивающегося государства, могло бы вызвать диссонанс в отношениях Китая с развивающимся миром, особую роль в котором Пекин намерен отстаивать. Во-вторых, опыт участия России в G7/G8 свидетельствовал о возможном неравноправном участии Китая в этом форуме. В-третьих, Пекин опасался, что это повлечет за собой взятие на себе ответственности и рисков, которые Китай как развивающаяся страна был не в состоянии взять на себя[10].

Присоединение к G20 позволило Китаю избежать подобных рисков и, вместе с тем, принять участие в глобальном экономическом управлении на равных с ведущими западными странами и в сотрудничестве с развивающимися экономиками. В качестве важной внешнеполитической задачи на современном этапе Пекин видит содействие трансформации G20 из временного механизма реагирования на кризис в долгосрочную платформу глобального экономического управления, способную заменить G7 и, соответственно, отчасти решить вопрос с монополией развитых стран в этой сфере. На текущем этапе деятельность G20 имеет ряд ограничителей. Во-первых, G20 – это не постоянно действующий механизм, который бы осуществлял свои функции на ежедневной основе и имел бы секретариат и прочие атрибуты институционализированного органа. Во-вторых, решения, принимаемые на саммитах, не имеют обязательной силы и не всегда воплощаются в жизнь. Проводниками принимаемых G20 решений являются преимущественно МВФ и Всемирный банк, по-прежнему контролируемые западными странами. В-третьих, есть определенные сложности, связанные с легитимностью G20, ее правомерностью представлять интересы всего мирового сообщества.

На волне мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Китай стал не только участником G20, но и вошел в такие институты, устанавливающие международные финансовые стандарты, как Совет по финансовой стабильности, Базельский комитет по банковскому надзору и Комитет по глобальной финансовой системе Банка международных расчетов, углубив тем самым свое участие в международных финансовых вопросах.

Также стоит отметить и то, что в китайском экспертном дискурсе стала циркулировать идея о том, что в системе глобального управления появился новый важный механизм, хотя и не такой «зрелый» как G7, но

[10] He, A. China in the G20 Summitry: Review and Decision-Making Process // *CIGI papers*, 2014, No. 46, p. 2.

вполне сопоставимый с ним по значимости – БРИКС[11]. При этом БРИКС рассматривается не как альтернатива G20, а как важная консолидирующая сила или платформа в рамках G20, позволяющая формулировать общую позицию развивающихся стран. Выдвинув на прошедшем в Сямэне в 2017 г. идею БРИКС+, Пекин рассчитывает на превращение БРИКС во влиятельную в современном мире платформу сотрудничества по линии Юг-Юг.

В целом, важным следствием мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. стало переосмысление Китаем своего места в международной системе, оформление намерения Пекина выйти на новый уровень своего взаимодействия с международной экономической системой: от рядового ее участника, ведомого развитыми странами, к роли одного из ведущих ее акторов, способного определять повестку дня и оказывать влияние на принятие решений в вопросах глобального экономического управления. Такой транзит требовал, в первую очередь, реформирования существующей международной экономической системы в направлении повышения роли Китая в системообразующих финансовых институтах. На момент начала кризиса 2008-2009 гг. в МВФ и Всемирном банке объективно сложилась ситуация недостаточного представительства развивающихся стран и их попрежнему низкой роли в этих институтах, и, напротив, чрезмерного представительства развитых стран, несоразмерного их уменьшившемуся экономическому весу.

От реформирования Всемирного банка и МВФ Пекин, как и другие развивающиеся страны, ожидал усиления влияния развивающихся стран на процесс принятия решений в этих институтах путем перераспределения квот и права голоса в пользу развивающихся стран, открытия доступа их представителям к управленческим постам во Всемирном банке и МВФ[12], лишения США право вето, а также некоторые другие изменения в структуре и системе управления. В фокусе внимания развивающихся стран находились также вопросы повышения эффективности финансовых институтов посредством пересмотра действующих там правил и политики. Например, критике подвергались принципы предоставления помощи развивающимся странам, раздавались требования пересмотра политики «связанной» помощи, необходимости отслеживания МВФ макроэкономического развития и финансовых рисков всех без исключения крупнейших экономик, включая США, необходимости включения в корзину СДР МВФ валют развивающихся стран и пр.[13]

На волне усилившегося недовольства со стороны развивающихся стран сложившейся ситуацией в системообразующих институтах Пекином была поставлена задача укрепления роли Китая во Всемирном банке и МВФ, приведение ее в соответствие с возросшим вкладом Китая в мировую экономику и мировое экономическое развитие. Занятие Китаем в 2010 г. позиции второй крупнейшей в мире экономики объективно не соответствовало скромной роли Китая во Всемирном банке и МВФ, где Китай занимал лишь шестые позиции в списке крупнейших по размеру квот и праву голоса стран. При координации действий с другими развивающимися странами (главным образом, со странами БРИКС) эта задача была частично реализована, когда в апреле 2010 г. Всемирный банк, а в декабре 2010 г. и МВФ, приняли решения о реформировании системы представительства, предполагавшие, в том числе, увеличение доли голосов Китая на 1,65 (с 2,77 до 4,42%) и 2,3 процентных пункта (с 3,8 до 6,1%) соответственно. Изменения, хотя и означали укрепление роли Китая во Всемирном банке и МВФ, поскольку он становился третьим по величине квот и права голоса государством после США и

[11] Цзя Цзиньцзин. Страны БРИКС и G20 // Китай. – 2017. – №7. – С. 5. [Tszia Tszin'tszin. Strany BRIKS i G20 (BRICS Countries and G20) // *Kitai*, 2017, No. 7, p. 5.]

[12] С конца 1940-х гг. сложилась негласная практика назначения президентом Всемирного банка американского представителя, а директором-распорядителем МВФ – европейского.

[13] Huang Yiping, Dang Weihua, Wang Jiao. Reform of the International Economic system: What Does China Want? // Rising China: Global Challenges and Opportunities / Ed. by Jane Golley, Ligang Song. Canberra: ANU E Press, 2011. P. 38.

Японии, однако не в полной мере отвечали ожиданиям Пекина, рассчитывавшего, во-первых, на второе место среди стран-акционеров, а во-вторых, на лишение США права вето.

В этой связи важным направлением усилий Пекина является при сотрудничестве с другими развивающимися странами оказывать давление на западные страны в целях принятия новой формулы расчета квот, более точно отражающей относительное положение отдельных стран мира в мировой экономике. Разработка новой формулы расчета квот, в частности, предполагает отказ от текущей формулы, которая представляет собой средневзвешенное значение ВВП (с весом 50%), открытости (30%), экономической изменчивости (15%) и международных резервов (5%). При этом в используемой ныне формуле ВВП измеряется с помощью составного показателя ВВП на основе рыночных обменных курсов (с весом 60%) и на основе обменных курсов по ППС (40%). Такая расчетная формула, включающая показатели открытости и экономической изменчивости, не вполне отражает вклад динамично развивающихся стран в мировую экономику и не отвечает интересам развивающихся стран. Показатель экономической изменчивости достаточно субъективен и дает преимущество странам с большим движением капиталов, а показатель открытости выгоден малым европейским странам. В интересах развивающихся стран и Китая, в том числе, разработка формулы расчета квот на основе показателя ВВП, рассчитанного по ППС, или на показателе величины международных резервов[14].

Таким образом, на волне мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. при поддержке других развивающихся стран Пекин стал оказывать давление на западные страны в отношении пересмотра существующих правил принятия решений в вопросах глобального экономического управления. Именно тогда в Пекине четко оформляется желание не только повысить эффективность существующей международной экономической системы, но и играть в глобальном экономическом управлении одну из ключевых ролей. Обращение к вопросу глобального экономического управления впервые появляется в отчетных докладах Генерального секретаря ЦК КПК после мирового финансово-экономического кризиса – на 18 съезде КПК в 2012 г. Так, если на 17 съезде (2007 г.) речь идет лишь о поддержке Китаем усилий «по улучшению международной торгово-финансовой системы», в отчетном докладе 18 съезда (2012 г.) говорится о намерении Китая «принять участие в глобальном экономическом управлении», а уже на 19 съезде (2017 г.) – о готовности «принять активное участие в реформировании и развитии системы глобального экономического управления»[15].

Создание китаецентричных международных институтов, правил и норм

После мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг., обнаружившего слабости существующей системы глобального экономического управления и соответственно создавшего благоприятный исторический контекст для выдвижения инициатив регионального и общемирового значения, Пекин стал не только прикладывать усилия по стимулированию реформирования существующих системообразующих финансовых институтов, но и предпринимать попытки создания новых многосторонних структур с закреплением за собой доминирующей роли в них. Первая

[14] Лексютина Я.В. Усилия БРИКС по изменению мировой валютно-финансовой системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – Вып. 11 (344). – С. 143-158. [Leksiutina, Ia.V. Usiliia BRIKS po izmeneniiu mirovoi valiutno-finansovoi sistemy (The BRICS Efforts to Reform the International Monetary and Financial System) // *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost*', 2016, Vol. 11 (344), pp. 143-157.]

[15] Full text of Hu Jintao's report at 17th Party Congress, 2007. Mode of access: https://www.chinadaily.com.cn/china/2007-10/24/content_6204564_14.htm; Full text of Hu Jintao's report at 18th Party Congress, 2012. Mode of access: http://en.people.cn/90785/8024777.html; Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress, 2017. Mode of access: http://news.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm

попытка Пекина в этом направлении не увенчалась успехом. Так, выдвинутая Китаем в 2010 г. на 9-ом заседании премьеров стран-участниц ШОС в Душанбе инициатива создания Банка развития ШОС не получила однозначной поддержки от стран-участниц организации. Предложенная Китаем схема функционирования банка, состоящая в привязке доли участия каждой из входящих в Банк стран к размеру ее ВВП и, таким образом, закреплявшая за Китаем особую роль в принятии решений, не соответствовала интересам других стран-членов ШОС.

В марте 2012 г. на саммите БРИКС в Нью-Дели уже по предложению индийской стороны был инициирован процесс создания Нового банка развития, в котором активную позицию занял Пекин. Эта инициатива обсуждалась и прорабатывалась несколько лет, на протяжении которых стороны пытались разрешить возникшие расхождения по поводу формата и матрицы функционирования нового финансового института. В ряду остро дискутируемых вопросов стояли такие, как размер первоначального капитала и его распределение между странами-учредителями (паритетное или непропорционально-долевое), место расположения штаб-квартиры, определение операционной валюты, способ управления банком, география кредитования банка и пр. Преследуя цель закрепления своей лидерской роли в создаваемом финансовом институте, Пекин настаивал на большом размере первоначального капитала (таким образом, обладавший значительными финансовыми ресурсами по сравнению с другими странами БРИКС Китай мог сделать больший вклад в первоначальный капитал и стать ведущим пайщиком Банка), на привязке количества голосов к экономической мощи страны-члена и размеру ее взноса в стартовый капитал, на размещении штаб-квартиры в Китае. В результате достигнутых между сторонами компромиссов была закреплена схема паритетного распределения акций между странами-участницами в уставном капитале Нового банка развития (подписной капитал составил 50 млрд долл.), а число голосов каждого члена Банка было соотнесено с количеством принадлежащих ему акций в распределенном капитале. В качестве месторасположения штаб-квартиры был выбран Шанхай (Китай). В июле 2014 г. на VI саммите БРИКС в Форталезе было подписано Соглашение о создании Нового банка развития, а в июле 2015 г. в ходе Уфимского саммита было торжественно объявлено о начале его функционирования.

В развитие курса, направленного на формирование валютно-финансовой системы, учитывающей потребности и интересы развивающихся стран и снижающей их зависимость от традиционных глобальных финансовых институтов и воли лидеров ведущих западных стран, БРИКС инициировал создание собственного пула валютных резервов, предназначенного для оказания финансовой поддержки в чрезвычайных бюджетных ситуациях для стран-участниц. В июле 2014 г. на VI саммите БРИКС в Форталезе был подписан договор о создании 100-миллиардного Пула условных валютных резервов стран БРИКС, и уже 4 сентября 2015 г. Пул начал полноценно функционировать. Следует обратить внимание на то, что создатели Пула пошли по пути Чиангмайской многосторонней инициативы, приняв решение о его увязке с МВФ.

Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что в сравнении с более ранними механизмами многостороннего финансового сотрудничества с участием Китая, такими как, Чиангмайская многосторонняя инициатива или Инициатива азиатского рынка облигаций, Пул валютных резервов БРИКС и Новый банк развития можно рассматривать как в некотором смысле китаецентричные модели. Так, в Чиангмайской многосторонней инициативе размер взноса Китая не превышал размер взноса другого крупнейшего участника – Японии (взносы Китая и Японии составили по 32% от 120-миллиардного пула или 38,4 млрд долларов, на страны АСЕАН пришлось 20%, а Южную Корею – 16%) и, соответственно, существовало паритетное участие этих двух крупных держав в этом механизме. В Институте кредитных гарантий и инвестиций, важном компоненте Инициативы азиатского банка облигаций с капиталом 700 млн долларов, вклад Китая также был соразмерен вкладу Японии – по

200 млн долларов[16]. А в Пуле валютных резервов БРИКС размер взноса Китая составил 41 млрд долларов, существенно превысив вклады других стран-участниц: России, Бразилии и Индии – по 18 млрд долларов, ЮАР – 5 млрд долларов. Хотя в Новом банке развития закреплена паритетная схема распределения акций и голосов, однако размещение штаб-квартиры Банка в Шанхае дает Китаю определенные явные и опосредованные преимущества.

Не ограничившись разработкой совместно с другими странами БРИКС Нового банка развития, Китай единолично инициировал в 2013 г. создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – крупного многостороннего банка развития с уставным капиталом 100 млрд долларов. Воспользовавшись растущим недовольством развивающихся стран в связи с медленным ходом реформирования системы глобального экономического управления и международных финансовых институтов[17], Китай смог расширить базу поддержки инициативы создания АБИИ. Учреждение АБИИ стало крупной внешнеполитической победой Пекина. Во-первых, Пекину удалось создать крупный многосторонний финансовый институт с большим потенциалом развития. На декабрь 2017 г. АБИИ объединил 80 стран мира[18], включая ряд развитых экономик – Германию, Великобританию, Францию, Италию, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию. По количеству стран-членов АБИИ уступает только Группе Всемирного банка и равновелик Африканскому банку развития. По объему подписного капитала только Европейский инвестиционный банк (объем подписного капитала – 243,284 млрд евро), МБРР (263,3 млрд долларов), Межамериканский банк развития (170,9 млрд долларов) и Азиатский банк развития (153,05 млрд долларов) превосходят АБИИ. С момента своего функционирования АБИИ получил высший кредитный рейтинг – ААА – от ведущих международных рейтинговых агентств: сначала от *Moody's*, а затем от *Fitch.*

Во-вторых, Пекину удалось закрепить за собой ведущую роль в АБИИ. Китай не только разместил штаб-квартиру АБИИ в Пекине, но и закрепил за собой наибольшую долю голосов. В отличие от других многосторонних банков развития, где Китай до сих пор имеет незначительную долю голосов (так, в Международном банке реконструкции и развития она составляет только 4,59%, в Международной ассоциации развития – 2,21%, в Азиатском банке развития – 5,46%) или действует на паритетных началах с другими учредителями (как в Новом банке развития), в АБИИ Китай получил наибольшую долю голосов (на октябрь 2017 г. – 27,45%), то есть обладает особым статусом в процессе принятия решений. На Индию и Россию, занимающие вторую и третью позиции в списке стран с крупными долями голосов в АБИИ, приходится лишь 7,90 и 6,23% голосов соответственно[19]. В ходе голосований в Совете директоров[20] по вопросам, для принятия решений по которым требуется простое большинство голосов, Китаю с долей голосов 27,45% достаточно заручиться поддержкой четырех членов Совета для принятия соответствующего решения. По специальным вопросам (таким как, принятие новых членов, избрание президента АБИИ, увеличение капитала, изменение

[16] Wang, Hongying. From "taoguang yanghui" to "yousuo zuowei": China's engagement in financial minilateralism // *CIGI papers*, 2014, No. 52, p. 5.

[17] Так, в частности, в связи с особой позицией Конгресса США, не желавшего ратифицировать принятый Советом управляющих МВФ в декабре 2010 г. пакет реформ, вступление в силу изменений квот МВФ затянулось на пять лет.

[18] За полтора года существования АБИИ (с декабря 2015 г. по июнь 2017 г.) Советом директоров АБИИ были одобрены заявки на вступление в этот финансовый институт 23 стран мира (в дополнение к 57 странам-учредительницам). На текущий момент эти 23 страны находятся на разных стадиях формального присоединения к АБИИ.

[19] Members and Prospective Members of the Bank / Asian Infrastructure Investment Bank. October 23, 2017. Mode of access: https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html

[20] Совет директоров АБИИ состоит из 9 директоров, избранных региональными странами-членами АБИИ, и 3 директоров, избранных нерегиональными странами-членами.

структуры исполнительного совета и пр.), требующим квалифицированное большинство в 75%, Китай обладает возможностью блокировать принятие решений[21].

В контексте внесения изменений в международную экономическую систему значительных результатов Китаю удалось достичь и в другом направлении – в вопросе диверсификации резервных валют в международной валютно-финансовой системе и интернационализации своей национальной валюты. Руководствуясь задачей ослабления зависимости от американского доллара и соответственно снижения валютных рисков и операционных издержек при совершении торговых и инвестиционных операций, с 2008 г. Китай приступил к расширению международного использования своей национальной валюты. С начала перехода на международные торговые расчеты в юанях в июле 2009 г. Китаю удалось существенно увеличить удельный вес расчетов в юанях во внешнеторговых операциях и инвестициях Китая за рубежом. Юань стал широко использоваться не только во внешнеторговых операциях, но и при осуществлении денежных переводов, перечислении дивидендов и пр. Сегодня уже 189 стран мира применяют его во внешнеторговых операциях с Китаем.

В целях интернационализации юаня Китай заключает межправительственные соглашения об использовании или расширении использования национальных валют во взаиморасчетах и кредитовании со своими внешнеторговыми партнерами. Центральный банк Китая подписывает с центральными банками зарубежных стран своп-соглашения, способствующие укреплению китайской валюты. С 2008 г. Народный банк Китая создал своп-линии с центральными банками более чем 30 стран мира[22]. В октябре 2015 г. была запущена международная межбанковская система передачи данных и совершения платежей *The China International Payments System (CIPS),* представляющая собой аналог SWIFT. Она призвана расширить масштабы использования юаня по всему миру за счет сокращения операционных издержек и времени обработки платежей.

Благодаря целенаправленной политике интернационализации юаня, его роль в мировой валютно-финансовой системе неуклонно растет. В сентябре 2016 г. юань вошел в пятерку мировых валют, наиболее часто используемых в международных расчетах наряду с долларом США, евро, фунтом стерлингов и японской иеной.

Важной вехой в интернационализации юаня стало принятие 30 ноября 2015 г. Исполнительным советом МВФ решения о включении китайской национальной валюты в корзину резервных валют МВФ. С 1 октября 2016 г. юань приобрел статус свободно используемой валюты и был включен в корзину СДР (специальных прав заимствования) в качестве пятой валюты наряду с долларом США, евро, японской иеной и фунтом стерлингов. Обновленная 1 октября 2016 г. формула корзины валют СДР приобрела следующий вид: доллар США – 41,73%; евро – 30,93%; китайский юань – 10,92%; японская иена – 8,33%, фунт стерлингов – 8,09%. Спектр центральных банков стран мира, которые включают юань в свои официальные резервы, расширяется. Юань ныне является частью валютных резервов около 56 центральных банков или органов денежно-кредитного регулирования зарубежных стран[23].

Курс Пекина на интернационализацию юаня, с одной стороны, обусловленный сугубо внутриэкономическими задачами стимулирования реформы финансовой системы Китая и снижения валютных рисков и операционных издержек в ходе осуществления внешнеторговых операций, с другой стороны, стал отражением намерения Китая достичь статуса финансовой державы и сделать юань основной международной резервной валютой[24].

[21] Weiss, M. Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), 2017. Mode of access: https://fas.org/sgp/crs/row/R44754.pdf

[22] Zhu, Yihong. Swap Agreements & China's RMB Currency Network. 22.05.2015. Mode of access: http://cogitasia.com/swap-agreements-chinas-rmb-currency-network/

[23] People's Bank of China's Annual Report 2016. Mode of access: http://www.pbc.gov.cn/english/130739/3398661/3398676/20171017103555469 70.pdf

[24] He, A. The Dragon's Footprints: China in the Global Economic Governance System under the G20 Framework. McGill-Queen's Press - MQUP, 2016.

В целом, с приходом к власти в Китае пятого поколения китайских руководителей все отчетливей проявляется изменение внешнеполитического поведения Китая, «выход из тени», стремление играть лидерскую роль в международной экономической системе. С 2013-2014 гг. в подходах Китая к своей роли в международной экономической системе и глобальном экономическом управлении стали проявляться новые черты. Это нашло свое проявление, среди прочего, в изменении линии поведения Китая в G20. Так, начиная с прошедшего в 2014 г. в Брисбене саммита, Китай проявил возросший интерес к формулированию повестки дня G20 и готовность предлагать собственное видение по таким вопросам, как макроэкономическая координация, международная торговля и инвестиции, улучшение финансового и экономического глобального управления и пр.[25] В 2016 г. Китай как страна-председатель G20 провел саммит в Ханчжоу, где Си Цзиньпин развернуто изложил взгляды Китая на глобальное экономическое управление.

В ноябре 2014 г. на церемонии открытия саммита АТЭС в Пекине Си Цзиньпин особо отметил, что «на фоне роста своей комплексной национальной мощи Китай способен и желает предоставлять больше общественных благ АТР и миру»[26]. В 13-м пятилетнем плане на 2016-2020 гг. закреплено намерение Китая активно участвовать в глобальном экономическом управлении и глобальном создании общественных благ, а также добиваться большей роли в институтах глобального экономического управления[27]. Создание АБИИ, Нового банка развития и реализация инициативы «Пояс и путь» позиционируются Пекином как ключевые усилия по созданию общественных благ, восполняющих лакуны в существующей системе глобального экономического управления. О намерении Китая играть активную и даже, возможно, ключевую роль в глобальном экономическом управлении можно судить из выступлений Си Цзиньпина на саммите в Ханчжоу в сентябре 2016 г. Еще более развернутые обоснования китайского лидерства содержались в выступлении Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г.

В предельно сжатые сроки Пекин один за другим предложил миру ряд новых проектов, желая продемонстрировать инициативность, креативность и лидерские качества. Помимо АББИ и глобальной по своим масштабам инициативы «Пояс и путь» Китай выдвинул идеи создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (на саммите АТЭС в ноябре 2014 г.) и механизма БРИКС+ (на саммите БРИКС в Сямэне в сентябре 2017 г.).

В течение 2014-2017 гг. на своей территории Китай провел целый ряд крупномасштабных мероприятий самого высокого уровня, позволивших Пекину проявить свои организаторские качества и лидерские способности. Были проведены: 4-й саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) (20-21 мая 2014 г.), 22-е неофициальное совещание руководителей стран-членов АТЭС (10-11 ноября 2014 г.), Мероприятия в честь 70-й годовщины победы Сопротивления китайского народа японским захватчикам и в мировой антифашистской войне (3 сентября 2015 г.), 11-й саммит руководителей G20 (4-5 сентября 2016 г.), Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «пояса и пути» (14-15 мая 2017 г.), 9-я встреча руководителей стран БРИКС (3-5 сентября 2017 г.). Особо стоит выделить Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» (14-15 мая 2017 г.), ставший международным мероприятием самого высокого уровня и масштаба, когда-либо организованным Китаем на своей территории по собственной инициативе. Пекин уже заявил о своем намерении сделать данный Форум регулярно действующим механизмом по сотрудничеству в построении «Пояса и пути».

---

[25] Ibid.

[26] Speech at the Opening Ceremony of the APEC CEO Summit. 7.11.2014. Mode of access: http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23809/23814/27094/index.html

[27] The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016-2020). Mode of access: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf

Особое место в китайских планах расширения своей роли в мировом экономическом управлении занимает инициатива «Пояс и путь». Выдвинутая Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. как преимущественно проект масштабного инфраструктурного строительства под наименованием «Экономический пояс Шелкового пути», эта идея с течением времени трансформировалась в глобальную многовекторную инклюзивную инициативу «Пояс и путь». Сейчас в Китае эта инициатива позиционируется как продвигающая экономическую глобализацию, как новая модель регионального и глобального сотрудничества, как содействующая реформе и совершенствованию глобального экономического управления и оптимизации мирового порядка. Пекин акцентирует внимание на том, что инициатива «Пояс и путь» – это уже не китайский, а глобальный проект, и пытается преподнести эту инициативу как часть глобального экономического управления.

Укреплению роли Китая в глобальном экономическом управлении способствует расширение торговли Китая со странами мира и усиление их экономической зависимости от Китая. С целью интенсификации торгово-экономического сотрудничества Китай предпринимает меры по расширению сети соглашений о свободной торговле (ныне действует 14 соглашений) и соглашений об инвестициях. Недавно были заключены соглашения о свободной торговле Китая с Южной Кореей и Австралией. В настоящее время ведутся переговоры по подписанию китайско-американского и китайско-европейского соглашений по инвестициям. В определенной степени неспособность мирового сообщества завершить начавшийся еще в 2001 г. Дохийский раунд переговоров ВТО о дальнейшей либерализации мировой торговли привела к появлению нескольких крупных интеграционных проектов, включая инициированные администрацией Б. Обамы, но проигнорированные Д. Трампом Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, а также продвигаемые Пекином Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство и Азиатско-Тихоокеанскую зону свободной торговли. Вовлечение в орбиту своего экономического влияния все большего количества стран, разработка новых международных торгово-экономических правил путем расширения сети соглашений о создании зон свободной торговли, придание китаецентричного вектора интеграционным процессам путем реализации инициатив «Пояс и путь», Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство или Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли являются важными шагами на пути утверждения особой роли Китай в международной экономической системе и глобальном экономическом управлении.

Заключение

Приняв в конце 1970-х гг. принципиальное решение о вхождении в международную экономическую систему, Китай смог не только полностью инкорпорироваться в нее, но и стать ее крупнейшим бенефициаром. Достигнув впечатляющих результатов в своем социально-экономическом развитии и существенно укрепив свою экономическую мощь до уровня второй мировой экономики, Китай, между тем, стал демонстрировать изменение своего отношения к международной экономической системе и своей роли в ней. Функционирование в системе в качестве ее рядового участника, ведомого развитыми странами мира, стало рассматриваться как сдерживающее дальнейшее поступательное развитие Китая и достижение Китайской мечты о восстановлении величия китайской нации. Ранее предпочитавший оставаться в тени и опасавшийся брать на себя международную ответственность как неизбежное бремя мирового лидера, Китай после мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. и, в особенности, с приходом пятого поколения китайских руководителей стал проявлять все возрастающую активность в вопросах реформирования международной экономической системы вплоть до демонстрации своих намерений занять в ней ключевую роль.

В существующей международной экономической системе Китай не устраивают

не столько базовые принципы и правила (даже напротив, Пекин выступает главным апологетом экономической глобализации, открытой мировой экономики, свободной торговли и свободного перемещения капиталов), сколько низкая роль Китая в традиционных финансовых институтах и глобальном экономическом управлении. На фоне нежелания западных стран допустить Китай к основным рычагам глобального экономического управления Пекин предпринимает комплексные меры по созданию и распространению китаецентричных финансовых и торговых институтов и правил.

Китаем стали реализовываться меры по изменению существующей международной системы по следующим основным направлениям: утверждение новых международных торгово-экономических правил посредством расширения сети соглашений о создании зон свободной торговли, придание китаецентричного вектора интеграционным процессам (путем создания Всеобъемлющего регионального экономического партнерства и Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, реализации инициативы «Пояса и пути»), реформирование находящихся под доминирующим влиянием США и других западных стран системообразующих международных финансовых институтов (многосторонних банков развития и МВФ), создание новых международных финансовых организаций, где ведущую или паритетную с другими участниками роль играет Китай (АБИИ, Новый банк развития БРИКС, инициатива создания Банка ШОС), укрепление роли китайской национальной валюты в международной финансово-экономической системе.

При этом если сначала предпринимаемые Пекином усилия по стимулированию реформирования международной системы были продиктованы потребностями стимулирования экономического роста и необходимостью решения задач внутриэкономического развития Китая, по мере усиления комплексной национальной мощи Китая и успешности выдвигаемых Пекином инициатив, проявляющейся в завоевании поддержки китайских инициатив со стороны международного сообщества, усилия Китая по изменению международной экономической системы становятся продиктованы глобальными интересами Китая, китайское руководство проявляет все большую заинтересованность в занятии лидерской роли в международной экономической системе. Китай постепенно примеряет на себя роль лидера, он все увереннее отстаивает свое право играть паритетную с США роль в глобальном экономическом управлении. Государствоцентричный взгляд на международную экономическую систему в Пекине постепенно дополняется глобальным видением.

Изначально движимый задачей обеспечения дальнейшего экономического роста в Китае, предполагавшего корректировку системы глобального экономического управления в сторону ее большего учета китайских экономических интересов, Китай встал на путь создания китаецентричной системы, глобального дискурса, базирующегося на задаваемых Пекином правилах, нормах и институтах.

Литература:

Лексютина Я.В. Усилия БРИКС по изменению мировой валютно-финансовой системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – Вып. 11 (344). – С. 143-158.

Трифонов И.И., Ягодкина В.М. Региональные инициативы стран Восточной Азии по развитию валютно-кредитных отношений // Известия УрГЭУ. – 2014. – № 4 (54). – С. 20-26.

Цзя Цзиньцзин. Страны БРИКС и G20 // Китай. – 2017. – №7. – С. 5.

He, A. China in the G20 Summitry: Review and Decision-Making Process // *CIGI papers*, 2014, No. 46.

He, A. The Dragon's Footprints: China in the Global Economic Governance System under the G20 Framework. McGill-Queen's Press - MQUP, 2016.

Huang Yiping, Dang Weihua, Wang Jiao. Reform of the International Economic system: What Does China Want? // Rising China: Global Challenges and Opportunities / Ed. by Jane Golley, Ligang Song. Canberra: ANU E Press, 2011, pp. 29-45.

Members and Prospective Members of the Bank / Asian Infrastructure Investment Bank. October 23, 2017. Mode of access: https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html

Ong, R. China's Security Interests in the 21st Century. London: Routledge, 2007.

People's Bank of China's Annual Report 2016. Mode of access: http://www.pbc.gov.cn/english/130739/3398661/3398676/2017101710355546970.pdf

Speech at the Opening Ceremony of the APEC CEO Summit. 7.11.2014. Mode of access: http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23809/23814/27094/index.html

The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China

(2016-2020). Mode of access: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf

UN Comtrade Database. Mode of access: http://comtrade.un.org/

Wang, Hongying. From "taoguang yanghui" to "yousuo zuowei": China's engagement in financial minilateralism // *CIGI papers*, 2014, No. 52.

Weiss, M. Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), 2017. Mode of access: https://fas.org/sgp/crs/row/R44754.pdf

White Paper "China's Foreign Trade", 2011. Mode of access: http://www.gov.cn/english/official/2011-12/07/content_2014019.htm

World Bank open data. Mode of access: http://data.worldbank.org/

Zhu, Yihong. Swap Agreements & China's RMB Currency Network. 22.05.2015. Mode of access: http://cogitasia.com/swap-agreements-chinas-rmb-currency-network/

References:

He, A. China in the G20 Summitry: Review and Decision-Making Process // *CIGI papers,* 2014, No. 46.

He, A. The Dragon's Footprints: China in the Global Economic Governance System under the G20 Framework. McGill-Queen's Press - MQUP, 2016.

Huang Yiping, Dang Weihua, Wang Jiao. Reform of the International Economic system: What Does China Want? // Rising China: Global Challenges and Opportunities / Ed. by Jane Golley, Ligang Song. Canberra: ANU E Press, 2011, pp. 29-45.

Leksiutina, Ia.V. Usiliia BRIKS po izmeneniiu mirovoi valiutno-finansovoi sistemy (The BRICS Efforts to Reform the International Monetary and Financial System) // *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*, 2016, Vol. 11 (344), pp. 143-157.

Members and Prospective Members of the Bank / Asian Infrastructure Investment Bank. October 23, 2017. Mode of access: https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html

Ong, R. China's Security Interests in the 21st Century. London: Routledge, 2007.

People's Bank of China's Annual Report 2016. Mode of access: http://www.pbc.gov.cn/english/130739/3398661/3398676/2017101710355546970.pdf

Speech at the Opening Ceremony of the APEC CEO Summit. 7.11.2014. Mode of access: http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23809/23814/27094/index.html

The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016-2020). Mode of access: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf

Trifonov, I.I.; Iagodkina, V.M. Regional'nye initsiativy stran Vostochnoi Azii po razvitiiu valiutno-kreditnykh otnoshenii (Regional Initiatives of East Asian Countries on Development of Monetary Relations) // *Izvestiia UrGEU,* 2014, No. 4 (54), pp. 20-26.

Tszia Tszin'tszin. Strany BRIKS i G20 (BRICS Countries and G20) // *Kitai,* 2017, No. 7, p. 5.

UN Comtrade Database. Mode of access: http://comtrade.un.org/

Wang, Hongying. From "taoguang yanghui" to "yousuo zuowei": China's engagement in financial minilateralism // *CIGI papers,* 2014, No. 52.

Weiss, M. Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), 2017. Mode of access: https://fas.org/sgp/crs/row/R44754.pdf

White Paper "China's Foreign Trade", 2011. Mode of access: http://www.gov.cn/english/official/2011-12/07/content_2014019.htm

World Bank open data. Mode of access: http://data.worldbank.org/

Zhu, Yihong. Swap Agreements & China's RMB Currency Network. 22.05.2015. Mode of access: http://cogitasia.com/swap-agreements-chinas-rmb-currency-network/

http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-3-26-41

CHINA AND THE REFORM OF THE INTERNATIONAL ECONOMIC SYSTEM

Yana V. Leksyutina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Article history:

Received:

30 November 2017

Accepted:

1 March 2018

About the author:
Dr. of Political Science,
Associate Professor,
Deputy Head of the Department,
Department of American Studies

e-mail: lexyana@ya.ru

Key words:
China; international economic system; global economic governance; Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB); multilateral development banks; "Belt and Road" Initiative; G20; the 2008 global financial crisis; New Development Bank (NDB); BRICS

Abstract: The 2008 global financial crisis has become a turning point for the world community to realize the necessity to reform international economic system and to allow greater participation of leading emerging economies in the global economic governance. Given the huge economic might that China has accumulated and its willingness to assume greater international responsibilities and leadership functions, China can be regarded as one of the countries that play a key role in the processes of reforming the international economic system and global economic governance. Contributing to the improvement of the existing rules, norms and institutions, Beijing at the same time offers to the world its new, China-centered initiatives, to name a few, the Asian Infrastructure Investment Bank and "Belt and Road" Initiative. This article characterizes China's participation in the reforming of the international economic system after the 1997 Asian financial crisis till the present time with the focus on identifying major forms of China's participation, its motivations and efforts' emphasis. By reviewing initiatives and measures that China offers, backs and conducts in order to bring changes into the international economic system and by analyzing Chinese leadership's official rhetoric and foreign policy activities, the article concludes that Beijing has set a course to assume one of the key roles in the global economic governance and to create China-dominated system of international rules, norms and institutions..

Acknowledgments: The study is prepared with the grant support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 17-07-50016 a (f).

Для цитирования: Лексютина Я.В. Китай и реформирование международной экономической системы // *Сравнительная политика.* – 2018. – № 3. – С. 26-41.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-26-41

For citation: Leksyutina, Yana V. Kitai i reformirovanie mezhdunarodnoi ekonomicheskoi sistemy (China and the Reform of the International Economic System) // *Comparative Politics Russia,* 2018, No. 3, pp. 26-41.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-26-41